Олег Виноградов:
КИРОВСКИЙ БАЛЕТ — ЭТО МУЗЕЙ, НО НЕ ЛАВКА ДРЕВНОСТЕЙ

Известия. — 1994. — 5 ноя. — с. 6.

Юрий КОВАЛЕНКО, «Известия»

Второго ноября балетом Лео Делиба «Коппелия» на сцене парижского театра «Шанз Элизе» начались самые грандиозные за всю историю Франции гастроли Мариинского театра оперы и балета с участием 550 артистов и музыкантов.

Петербуржцы покажут также балеты «Бахчисарайский фонтан» и «Щелкунчик» и оперы «Пиковая дама», «Хованщина», «Садко» и «Град Китеж». Сразу после премьеры художественный руководитель балетной труппы Олег Виноградов дал интервью «Известиям».

— Что значат для вас нынешние выступления в «Шанз Элизе»! Рутина, еще несколько спектаклей в бесконечной череде гастролей! Или все-таки некая связь времен — перекличка с дягилевскими Русскими сезонами, которые проходили на сцене этого же театра!

— Ну уж никак не рутина... Франция внесла в мировую сокровищницу балета больше, чем все остальные страны. Отсюда балет пришел и к нам. И до сих пор Париж для нас — это самая высокая планка... Мы здесь не были с 1990 года. Это связано, в частности, с тем, что сегодня мы самая дорогая в мире труппа — выше нас никто не получает гонорара — ни парижская Опера, ни лондонский «Ковент-Гарден», ни американские компании. Мы привыкли к определенным условиям — живем в роскошных отелях, имеем бесплатное питание... Наши артисты теперь и по-другому работают, и по-другому живут.

— Во Франции вы заявили, что цари и коммунисты любили балет, а Ельцин же ни разу не был в вашем театре, да и вообще балет — искусство для элиты, которое в условиях демократии чахнет. Из 55 театров оперы и балета и 14 балетных школ, некогда существовавших в СССР, сегодня остались соответственно 10 и 4... 80 процентов артистов без работы и т. д. Каково же положение вашей балетной труппы!

— Наше положение — в отличие от других — стало лучше. Потому что все встает на свои места... Во время коммунизма каждый секретарь обкома хотел иметь свой театр, свою «Спящую красавицу» — и имел. Сейчас, когда эти театры больше не поддерживаются искусственно, фактически осталось два, которые во все времена все и определяли — Большой и Кировский, да еще киевский. Мы же были готовы к тому, что такое благоденствие не продлится. И когда нам обрезали дотации, научились зарабатывать.

— Поделитесь секретом — каким образом вам это удается!

— Семь-восемь месяцев в году часть труппы постоянно за рубежом на заработках — вот вам и секрет. Остальные работают дома. Потом, в свою очередь, выезжают и они. Но дело не только в заработке. Каждый день надо быть на сцене, каждый день — в форме, каждый день — выступать на лучших сценах мира.

— Почему вы вернули себе название «Кировский балет»!

— Два года назад мы отказались от коммунистической символики — выбросили из театра все серпы и молоты, вернули прежние гербы и стали называться «Балет Мариинского театра». Живем нормально, но вдруг из Соединенных Штатов приходит сенсационное сообщение — американские астрономы открыли новую малую планету за номером 44.47 и назвали ее «Кировский балет». Получилось, что планета есть, а балета нет. Пришлось возвращаться назад... Но главное же — кто такой Киров, никто в мире не знает, а «Кировский балет» известен почти всем, тогда как появление «Балета Мариинского театра» вызвало массу недоуменных вопросов.

— Насколько серьезна для вас утечка талантов за границу — не только артистов, но и преподавателей!

— Это очень серьезная проблема, но вместе с тем и вполне нормальное явление. Их остановит только одно — такие же условия жизни, какие предлагает Запад. За нынешними артистами, педагогами и репетиторами все время велась охота, а сегодня, когда все свободно, — больше, чем раньше. Я в силах удержать их только одним — платить столько, сколько они заслуживают, и делать их творческую жизнь в театре не менее интересной, чем за границей.

— Какие новые спектакли скоро пойдут на сцене Мариинского театра! Вы, кажется, собираетесь ставить балет «Бесы» по Достоевскому и пригласили Юрия Любимова!

— К «Бесам» я готовлюсь давно — еще когда эта тема была запрещена. Сценарий был закончен два года назад, а в начале 1994-го написана музыка молодым композитором Александром Чайковским, с которым мы сделали несколько спектаклей. Ну и с Любимовым меня связывают давние творческие контакты — мы вместе поставили балет «Ярославна». Я недавно встречался в Афинах с Юрием Петровичем, который полон сил. Может быть, мы будем делать вместе «Бесы», может быть, что-то другое. Я также работаю над двумя увертюрами Вагнера — балет, который выпущу в феврале-марте 1995 года.

— Оправдала ли надежды созданная вами в Вашингтоне Академия Кировского балета, во главе которой вместе с другими преподавателями стоит ваша жена!

— Более, чем оправдала. С прошлого года академия гастролирует по Америке с «Щелкунчиком» в нашей постановке. В этом году академия, где учатся 90 студентов, выпустила трех американских артистов, которые приняты в кировскую труппу.

— Русский балет здесь традиционно обвиняют в консерватизме, в отсутствии новых идей...

— Пусть обвиняют нас в чем угодно. Взглянув на себя, лучше бы попытались к нам приблизиться. Я обожаю этот консерватизм и буду защищать его любой ценой. Потому что, если этого псевдоконсерватизма не останется у нас, его нигде не останется. Все самые большие классические шедевры рождались на российской сцене. Наша труппа — это музей, которым мы гордимся. Мы стремимся к тому, чтобы он обновлялся, а не превратился в лавку древностей. Собственно говоря, это и происходит. Одни и те же артисты у меня танцуют Петипа, Баланчина, Роббинса. Пусть на Западе попробуют это сделать...

— Вы что-то сами почерпнули из мировой танцевальной сокровищницы!

— Естественно. К сожалению, слишком поздно — потому что меня, как и всех моих коллег, никуда не выпускали. Я впервые увидел балеты Баланчина, Роббинса, Макмиллана, когда уже был зрелым хореографом. Но знакомство с ними мне дало исключительно много.

— Есть сегодня в вашей труппе артисты класса Нуриева или Барышникова!

— Конечно, подобного уровня нет. Такие рождаются раз в сто лет. Но и наш сегодняшний класс — особенно среди мужчин — самый высокий в мире.

— Вы отпускаете своих артистов танцевать в других театрах!

— Разумеется. Юлия Махалина по контракту работает в Королевском датском балете, Зелинский — в Нью-Йоркском балете, Рузиматов — во многих театрах. Лучших отпускаю — худших нет.

— Тем не менее вы запретили вашим артистам участвовать в конкурсе Майи Плисецкой!

— Я определяю, кто может быть на конкурсе, а кто — нет. И та девочка, которую, как козырь, разыграли для своей амбиции организаторы конкурса, не могла ничего получить и ничего не получила. Поэтому она больше в моей труппе не работает. Я не люблю, когда нарушают дисциплину. Наше государство гибнет из-за ее отсутствия и хаоса.

— Значит, вы диктатор!

— Называйте меня как угодно. Важно, что после меня останется.

— Во Франции считают, что труппа Кировского и труппа Большого театра — это прямотаки Монтекки и Капулетти! В интервью «Фигаро» вы только что заявили, что Кировский балет стал лучшим в России и что Большой вам уже больше не соперник...

— Соперничество есть, было и будет. Однако мы никогда не враждовали с Большим театром. Там у меня только что состоялась премьера балета «Сильфида» с Юлией Махалиной — настоящий триумф. Мы были удивлены теплотой и добрым к нам отношением. И до этого я много раз работал с его труппой, которая ко мне относится замечательно.

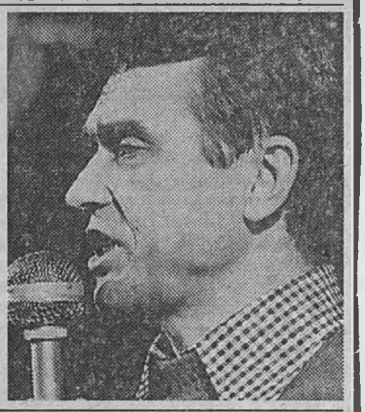
— Западная пресса пишет о «разбитой витрине» Большого театра, о его беспрецедентном кризисе, в котором якобы виновен Юрий Григорович...

— Григорович — один из самых больших мастеров балета. Гордость нашей нации. Конечно, каждый художник в разные моменты может иметь какие-то проблемы. Но столько, сколько сделал Григорович для русского балета, не сделал никто. Да, Большой театр сегодня в сложном положении. И я вижу, что кое-кому его хочется уничтожить. Догадываюсь, кому. Очень хочется, но не удастся.

— Кто же все-таки этого хочет! Кого вы имеете в виду!

— Кому-то очень мешает, что в России есть два приличных театра. Для них лучше, чтобы там ничего не было.

— Не грозит ли нынешний кризис Большого театра вылиться в закат всего российского балета!

— Ни в коем случае... Это тоже все нагнетается — есть желание, чтобы так было. Не получится.

ПАРИЖ.